

К. Э. Циолковский. Черты из автобиографии.

— Автобиография каждого человека – ценный материал, тем более автобиография человека, которым все интересуются. К сожалению, большинство автобиографий недостаточно искренни – и потому неценны; большей частью мы имеем вместо автобиографий только биографии, составленные товарищами или близкими людьми.

— Почему же нет хороших автобиографий?

— Причин на это много, а именно:

1. Каждый человек довольно гадок, и стыдно о себе писать всю правду. Так, правдивый Толстой начал писать свою биографию и остановился на 4-летнем возрасте.

2. Приходится задевать близких, еще живых людей, с их маленьким самолюбием и слабостями.

3. Не хочется подавать дурной пример человечеству. Заметных людей обыватели склонны идеализировать, и не каждый находит в себе достаточно мужества себя развенчивать в глазах своих почитателей.

4. Никому не хочется писать о незаконченной жизни в надежде закончить ее лучше и т. д.; много есть причин, почему автобиографии неполны и потому недостаточно ценны.

— Есть много в печати моих биографий, хотя и кратких. В них не ясно говорится о моем образовании, в чем виноват я сам, так как давал о себе не совсем ясные сведения.

— Этот пробел я хочу сейчас восполнить.

— Семья наша была бедная и многосемейная. Но братья и сестры учились в школе. Мог бы учиться и я. Учились и «кухаркины» дети, хотя положение их было и очень тяжелое.

— Дело не в бедности и не в многосемейности, а в том, что после скарлатины я сильно оглох и отупел. Школа была мне недоступна. Проясниться моя мысль начала только с 14 – 15 лет. Поступить в школу еще было можно, но какая могла быть мне от нее польза, если я слышал только шум, а слов учителя совершенно не разбирал – даже на самом близком расстоянии. Средств нанимать особых учителей у родителей не было. Вот почему я остался один с книгами и вышел самоучкой.

— Давал уроки я и зарабатывал этим хлеб, примерно, с 16 – 18 лет. Но когда мы переехали в другой город, где меня никто не знал, я решил держать экзамен на уездного учителя математики.

— Мне, как самоучке, пришлось сдавать «полный» экзамен. Это значит, что я должен был зубрить катехизис, богослужение, грамматику и прочие премудрости, которыми я раньше никогда не интересовался.

— Тяжко мне было долбить наизусть ектении, порядок богослужения, ни на чем не основанные правила правописания и другие никчемные премудрости. Все же кое-как одолел их, сдал экзамены и поступил на место в г. Боровск.

— Студенты университета и уездные учителя, в старину, пользовались сходными правами. И те и другие состояли в XII классе. Уездных учителей переводили в средние школы, если даже они не проходили университета.

— Служа в Боровске, я не оставлял свои научные работы. На них вскоре обратили внимание Голубицкий, Столетов, Жуковский, известная Ковалевская и многие другие.

— По их настоянию в 1892 г. я переехал в Калугу. Мои научные работы продолжались. Была завоевана уже некоторая известность.

Продолжил работу в казенном реальном училище, потом (в 1898 г.) в женском епархиальном, где я все время преподавал физику, т. е. предмет, который преподавать я не имел права как не сдавший специального экзамена. Я был, так сказать, незаконным учителем средней школы, моя «незаконность» и слабое здоровье делали мое положение в средней школе очень тягостным. Ученики и ученицы, несмотря на мою требовательность к их знанию (хотя я никогда двоек и единиц не ставил), любили меня, но сослуживцы косились. С одной стороны, я не имел прав преподавателя, каким обладали они, что выделяло меня невыгодно из их среды, с другой стороны — глухота и отсутствие времени, занятого научными работами, делали то, что я ни у кого не бывал, не поздравлял начальства, не ходил по именинам и визитам. Народ был хороший и честный, но общего у меня с ними было мало: глухота и разный образ жизни разъединяли нас. Товарищи были учителями по праву, я же — без прав. На меня смотрели так, как законные дети смотрят на незаконных: свысока и снисходительно.

— Только мой успех в школе и на экзаменах удерживал меня на месте. Однажды меня чуть не прогнали, когда я на экзамене вздумал объяснять гниение не сыростью, а действием бактерий.

— Только после революции, когда я попал в трудовую советскую школу второй ступени, отношение ко мне переменилось, и я почувствовал радость свободной работы в условиях нормальных взаимоотношений.

— Меня радовала свобода преподавания, отсутствие экзаменов, отметок и товарищеское отношение с учениками.

— Мне предложили даже преподавание химии и астрономии. И я охотно взялся за это, хотя условия в то время и были не очень благоприятны: занимались в темноте, холоде. Были голодны и т. д. Но все же было приятно, что я превратился в «законного» учителя школы второй ступени.

— В 1920 г. общая слабость здоровья заставила меня оставить советскую школу, после чего я отдал все мои силы научным работам и исследованиям.

19 сентября 1932 г.*

* Автограф хранится в Архиве РАН. Ф.555. Оп.2. Д.7. Л.1–4. Текст печатается по изданию: Константин Эдуардович Циолковский. 1857 – 1932. – М.–Л., Государственное авиационное и автотракторное издательство, 1932. – С. 7–10.